

**ОБРАЗ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ В РУССКОЙ ПРЕССЕ
НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

© 2011 Б.С. Котов

Институт всеобщей истории РАН, г. Москва

Поступила в редакцию 30.10.2011

В данной статье на материале дореволюционной московской и петербургской прессы анализируется образ российских немцев в русском общественном мнении накануне Первой мировой войны. Констатируется большой интерес русской прессы, в том числе партийной (кадетской, октябристской, черносотенной), к теме положения российских немцев, выделяются позиции различных политических партий по «немецкому вопросу».

Ключевые слова: русские немцы, образ, русская пресса, канун Первой мировой войны.

Важная особенность восприятия немцев в дореволюционной России заключалась в том, что они были единственным из западных народов, с которым у русских было столь тесное общение, поскольку многие тысячи этнических немцев на протяжении столетий проживали в разных регионах российского государства. Как отмечает С.В. Оболенская, исследовавшая образ немцев в восприятии русского общества XIX века, «на формирование представлений русских людей о Германии и немцах первостепенное влияние оказывало общение с «русскими немцами», сам факт присутствия немцев в России и их участие в экономике, общественной и политической жизни России»¹.

Хотя в начале XX в. немцы составляли 1,5% от всего населения государства (2 млн. 448 тыс. чел. к 1914 г.), занимая лишь девятое место по численности среди народов империи Романовых², их роль в офицерском корпусе, царской администрации и дипломатии традиционно была очень существенна. Исторически сложившееся влияние немцев при дворе и в структурах государственного аппарата еще в XVIII в. начало вызывать недовольство и опасения по поводу «немецкого засилья» у определенной части российской аристократии и образованных кругов русского общества. Это, наряду с сохранением привилегий немецкого дворянства и их доминирующим положением в присоединенных при Петре I прибалтийских землях, привело к возникновению в России так называемого «немецкого вопроса».

В начале XX века «немецкий вопрос» приобретает особую актуальность в связи с резким обострением отношений с Германией и империей Габсбургов, особенно после Боснийского кризиса 1908-1909 гг. Русское общество волновал вопрос о

лояльности этнических немцев, проживающих на территории России, о том, какую позицию они займут в весьма вероятной в ближайшем будущем войне между Россией и австро-германским блоком.

При этом, как показывает анализ прессы, являвшейся в начале XX столетия наиболее важным инструментом формирования и одновременно репрезентации общественного мнения, внимание русских газет и журналов привлекали прежде всего два региона со значительной долей немецкого населения – Прибалтика и юг России (Волынь, Крым, Бессарабия). Интерес к этим областям был обусловлен, на наш взгляд, их пограничным положением и близостью к возможному театру боевых действий. Показательно в данной связи, что положение поволжских немцев практически не рассматривалось в это время в ведущих столичных газетах и журналах, поскольку Поволжье находилось в глубине страны, и в случае начала военного конфликта между Россией и странами Тройственного союза поведение проживавшей там немецкой диаспоры не могло существенно повлиять на ход войны.

Положение немцев в земледельческих колониях юга России в оценках русской прессы.

Начало массовому притоку немецких колонистов в Россию было положено в царствование Екатерины II. Манифесты от 4 декабря 1762 г. и 22 июля 1763 г. должны были привлечь немецких переселенцев для освоения обширных территорий Поволжья и Северного Причерноморья³. В XVIII – первой половине XIX в. привлечение русским правительством немцев для заселения некоторых областей России было вызвано объективной необходимостью: невозможностью освоить приобретенные области путем внутренней колонизации в условиях крепостного права.

Поселившиеся в России немецкие колонисты жили, как правило, изолированно от окружающе-

Котов Борис Сергеевич, научный сотрудник Отдела новой истории ИВИ РАН, ведущий специалист Российского государственного архива социально-политической истории. E-mail: bs.kotov@mail.ru

го населения. Эта изолированность и упорное желание немцев сохранить свое национальное самосознание вызывали определенные сомнения в их лояльности к новому отечеству. Подозрительное отношение к русским немцам особенно усиливается после 1871 г., когда разобщенные до этого германские государства объединились под эгидой Пруссии в мощную Германскую империю, ставшую естественным полюсом притяжения для всех проживавших за ее пределами немцев.

Такие настроения стали психологической предпосылкой для резкого изменения государственной политики в отношении немецких колонистов во второй половине XIX в. При Александре II было ликвидировано большинство колониетских привилегий, в том числе освобождение от призыва в русскую армию. Это вызвало отток из России части немецкого населения, в первую очередь протестантов-меннонитов, отвергавших службу в армии по религиозным соображениям⁴.

С воцарением Александра III власти Российской империи начали борьбу за ограничение немецкого землевладения в Юго-Западном крае (Волынская, Киевская и Подольская губернии), где с 1860-х гг. развернулась масштабная немецкая колонизация. Однако предпринятые в 1887 г. и 1892 г. меры не смогли сдержать рост немецкого землевладения. На рубеже XIX-XX вв. немцы продолжали занимать прочные позиции в Юго-Западном крае, особенно на Волыни, где согласно всероссийской переписи населения 1897 г. проживало более 171 тыс. немцев (в численном отношении они занимали по губернии четвертое место после украинцев, евреев и поляков)⁵.

К борьбе с «немецким засильем» на Волыни русское правительство вернулось за несколько лет до начала Первой мировой войны. Причиной этого было обострение отношений с Германией и Австро-Венгрией, что делало расширение немецкого присутствия в приграничной Волынской губернии нежелательным с военно-стратегической точки зрения. В сентябре 1910 г. председатель Совета министров П.А. Столыпин, а в декабре 1912 г. его преемник В.Н. Коковцов пытались провести через Государственную Думу законопроекты, направленные не просто на ограничение, а на ликвидацию иностранного землевладения на Волыни. Однако из-за сопротивления влиятельной фракции октябристов, имевших тесные связи с немецкой диаспорой в России, правительственный план ликвидации немецкого присутствия в Юго-Западном крае был сорван⁶.

Накануне Первой мировой войны немцы на Волыни представляли очень внушительную силу: к 1914 г. в руках 209 тыс. колонистов немецкого происхождения – как русских, так и иностранных подданных – было сосредоточено

до 700 тыс. десятин земли, что составляло 10% внегородского земельного фонда Волынской губернии. Всего же в 1914 г. немецким колонистам принадлежало в России примерно 9,5 млн. гектаров земли (не считая Прибалтики). Соотношение между процентной долей немецкого населения и размером немецкого землевладения по отдельным губерниям отчетливо демонстрирует хозяйственную роль колонистов в жизни южно-русских губерний: так, в Бессарабии немцам принадлежало 11,1% возделываемых земель губернии, при том что немцы составляли 3% от всего населения Бессарабии. В Херсонской губернии эти показатели составляли соответственно 19,4% и 6,8%, в Екатеринославской – 25% и 5,4%, в Таврической – 38,3% и 8,8%⁷.

Немецкое колонизационное движение в южнорусских губерниях и правительственные проекты борьбы с ним не раз становились предметом обсуждения на страницах российских газет и журналов накануне Первой мировой войны. В ходе этого обсуждения органы русской прессы формировали определенный – преимущественно негативный – образ проживавших в России немцев. При этом большинство статей по «немецкому вопросу» было опубликовано в двух петербургских газетах – «Новом времени» и «Русском знамени», исповедовавших идеологию русского национализма и борющихся за ограничение прав «инородцев», в том числе и русских немцев.

Влиятельная и хорошо информированная газета «Новое время», известная своими связями с правительственными кругами, в предвоенные годы занимала антигерманские позиции и нередко использовала проблему положения российских немцев в целях ведения целенаправленной анти-немецкой пропаганды. Эта газета публиковала данные, характеризующие, насколько замкнуто поселившиеся в России немцы существуют в своих колониях, не общаясь с окружающим их русским населением, оставаясь чуждыми той стране, где они обосновались⁸. Стремление немцев, поселившихся в России, сохранить свою национальную идентичность «Новое время» трактовало как проявление немецкого высокомерия, чувства своего племенного превосходства и презрительного отношения к русским, предоставившим немцам щедрые привилегии и широкие возможности для хозяйственной деятельности.

Большие опасения внушало газете укрепление связей между русскими немцами и Пангерманским союзом, не скрывавшим своих целей территориального расширения на восток за счет аннексии значительных частей Российской империи⁹. «Новое время» не сомневалось, что проникновение немецких колонистов в Россию, в

том числе в Волынскую губернию – это спланированная в Берлине акция, начало осуществления немецкого *Drang nach Osten* еще до войны с Россией¹⁰. Ситуацию, сложившуюся с немецкими колонистами, редакция «Нового времени» оценивала как совершенно нетерпимую: по ее утверждениям, пришлые элементы, нередко исповедующие идеологию пангерманизма, свободно расселяются в наиболее привлекательных с хозяйственной точки зрения областях России, получают за это значительные льготы и полные политические права¹¹.

Один из ведущих сотрудников «Нового времени», известный публицист М.О. Меншиков считал, что русское правительство совершило в отношении великороссов величайшую несправедливость, поставив их в неравные условия с немцами. Для немецкой колонизации, напомним, всегда отводились самые благоприятные в климатическом отношении места: южное Поволжье, побережье Азовского моря, Бессарабия. При этом им предоставлялось значительное количество земли и всевозможные льготы. Неудивительно, что при такой заботе русского правительства о немецких колонистах районы, ими освоенные, действительно процветают. Немцы, по словам Меншикова, превратились в «привилегированную народность» Российской империи. Что касается великороссов, то царское правительство только использовало их для разгрома Турции и Персии, а пользоваться результатами побед, осваивать присоединенные территории допускают кого угодно (немцев, малороссов, греков, болгар), только не русских, – с возмущением писал он весной 1914 г.¹²

Примером такого несправедливого отношения правительства к русским Меншиков считал ситуацию, сложившуюся с землевладением в Таврической губернии, где немецкая раса свивает «прочное гнездо». Коренное татарское население Крыма сокращается, многие татары покидают полуостров и отправляются в единоверную Турцию, а оставленные ими земли скупаются за бесценок, а то и просто захватываются немцами. Хозяевами Тавриды, завоеванной Россией в долгой, упорной борьбе с крымскими татарами, незаметно становятся немецкие помещики, «которые эксплуатируют и душат все, для них чуждое...»¹³. Если русским крестьянам запрещается покупать земли больше определенных предельных размеров, то немцам позволяется скупать сотнями десятин надельные земли: «Для немцев общерусские законы, по-видимому, не существуют»¹⁴, – делал вывод автор «Нового времени».

В последнее время, отмечал Меншиков в апреле 1914 г., Крым «быстро превращается в настоящий уголок Германии, и никто не слышал о

предположении русского правительства положить конец этому отчуждению одной из “жемчужин русской короны”»¹⁵. По его данным, в Перекопском уезде действовали только 26 русских школ, 6 русско-татарских и 76 немецких. При этом наибольшую опасность он видел в том, что не происходило никакого обрусения, или хотя бы сближения немецких переселенцев с русским населением на бытовом уровне.

Статьи М.О. Меншикова и других авторов «Нового времени» должны были убедить читателей в том, что «прибалтийские, привислинские и юго-западные немцы представляют оазисы чуждой и неприязненной России народности»¹⁶. А потому русскому обществу и правительству нельзя рассчитывать на их лояльность в случае военного столкновения России с империями Габсбургов и Гогенцоллернов.

Не менее критично в отношении русских немцев были настроены черносотенцы из Союза русского народа (во главе с А.И. Дубровиным). Издававшаяся этой организацией газета «Русское знамя» с тревогой указывала на опасность полного онемечения Волынской губернии, отмечая, что сложившееся в этом крае положение «терпеть дальше невыносимо»¹⁷. Осевшие на территории России немцы не только сохранили свой язык, религию, обычаи, самоуправление, но многие из них сохранили и иностранное подданство, создав на территории России государство в государстве. «Имея только одни права, они чувствовали себя вполне в своем отечестве, за границей»¹⁸, – отмечалось на страницах «Русского знамени» в январе 1913 г. вскоре после отклонения октябристами законопроекта В.Н. Коковцова, направленного против немецкого землевладения в Юго-Западном крае.

По словам «Русского знамени», иностранные поселенцы стали «чужаеядными растениями, выбиравшими лучшие соки из русской жизни». Они получили заботу правительства и местной администрации, ничего, по мнению черносотенцев, не давая краю. «Смотря на русских пренебрежительно, враждебно и свысока, широко расевшись в гостеприимной русской избе и отгеснив мужика-хозяина с полатей к порогу, они никогда не делились с простодушным соседом ни знаниями, ни соседской помощью, ни заработком, ни дружеским общением. Высокомерные, скаредно-эгоистичные, не желавшие утруждать свой язык даже речью народа, чьим хлебом они кормились, они создали на русской территории, на самой ее границе многочисленный, сплоченный, единомышленный, состоятельный и враждебный всему русскому элементу»¹⁹.

Накануне Первой мировой войны «Русское знамя» стремилось убедить своих читателей, что

все русские немцы – потенциальные предатели, считающие себя «авангардом германского нашествия»²⁰. Все они на самом деле в душе являются германскими подданными, преданными династии Гогенцоллернов. Поэтому, как только начнется война с Германией и Австро-Венгрией, огромная масса немецких колонистов примкнет к врагам России. В мирное же время немецкие поселения в пределах России не менее опасны, поскольку являются центрами германского и австрийского шпионажа²¹.

Дубровинский Союз русского народа призвал правительство перейти от полумер, подобных закону 1887 г., к радикальным действиям, направленным на выдавливание немецких поселенцев, по крайней мере, из западных приграничных областей. «Русское знамя» было уверено, что только радикальный запрет для иностранцев владеть в какой бы то ни было форме (в том числе в форме аренды) землей в западных губерниях России сможет помешать их полному онемечению и положить конец «иноземному вторжению враждебных нам полчищ»²².

Следует подчеркнуть, что отношение крайне правых к русским немцам было неоднозначным. В отличие от антигермански настроенного «Русского знамени», являвшегося рупором дубровинского Союза русского народа, другая черносотенная газета «Земщина», издававшаяся Союзом русского народа во главе с Н.Е. Марковым, вообще воздерживалась от публикации материалов о положении немцев в Российской империи. На страницах этой газеты нельзя было встретить никаких критических выпадов против более чем двухмиллионной немецкой диаспоры в России.

Оценивая масштабы немецкого землевладения на юге России и обоснованность опасений русского общества в отношении мирного поглощения этой лучшей части Российской империи немцами, можно сослаться на работы немецкого историка Д. Брандеса, занимавшегося изучением немецких колоний в Новороссии, Крыму и Бессарабии. По его подсчетам, накануне Первой мировой войны немецкое землевладение в этих областях охватывало 2373317 десятин земли (на Таврию приходилось 994735, на Екатеринославскую губернию – 568817, на Херсонскую – 555407, на Бессарабию – 254358). При этом вследствие переселения в другие районы России (в Сибирь, на Урал, на Северный Кавказ), а также благодаря поддержке покупателей земли немецкого происхождения со стороны Крестьянского поземельного банка рост немецкого землевладения на юге России в период с 1890 до 1914 г. был незначительным (всего на 50 тыс. десятин). Брандес делает вывод, с которым вполне

можно согласиться: «страхи русских и восторг германских националистов относительно «мирного завоевания Южной России немецкими колонистами» не были оправданы»²³.

Русская пресса о положении немцев в Прибалтике. Значительное количество немцев оказалось в составе Российской империи после присоединения прибалтийских (остзейских) провинций. Две из них – Лифляндия и Эстляндия – были завоеваны в ходе Северной войны со Швецией и закреплены за Россией по Ништадтскому миру 1721 г. Курляндия, находившаяся с 1561 г. в вассальной зависимости от Речи Посполитой, была присоединена к России в результате третьего раздела Польши в 1795 г.

В основе управления Прибалтийским краем лежал принцип сохранения привилегий остзейских баронов, подавляющее большинство которых были этническими немцами. Органы дворянской корпорации в остзейских губерниях – рыцарства и ландтаги – обладали широкими правами, значительно превосходившими компетенцию аналогичных органов дворянского самоуправления на остальной части Российской империи. Хотя при Александре I в Прибалтике было отменено крепостное право, в результате чего местные крестьяне получили личную свободу, однако вся крестьянская земля осталась в руках помещиков²⁴. Это заложило основу для длительного противостояния немцев-землевладельцев и эсто-латышского крестьянства.

Сохранение местных привилегий и господствующего положения немецкого дворянства в Остзейском крае с давних пор вызывало недовольство определенной части русского общества. Одним из первых публицистов, поднявших «остзейский вопрос», был Ю.Ф. Самарин. В серии «Писем из Риги» (1847 г.), получивших широкую известность, он критиковал систему управления прибалтийскими губерниями, призывая к ограничению прав немецкого дворянства и более тесной инкорпорации этой территории в состав Российской империи. Император Николай I, выступавший за соблюдение прав лояльно настроенных по отношению к династии Романовых прибалтийских немцев, был возмущен содержанием «Писем». За свои антинемецкие выступления Самарин даже был арестован и двенадцать дней провел в Петропавловской крепости²⁵.

В 1860-х гг. начал свою кампанию против остзейских немцев редактор влиятельной газеты «Московские ведомости» М.Н. Катков. Так же, как и Самарин, он не верил в лояльность российских немцев: «Мы отдаем должное немецкому патриотизму только в Германии, – писал он в передовой статье в августе 1868 г., – когда же немецкий патриотизм высказывается в России и меж-

ду ее подданными, то мы называем его уже не патриотизмом, а изменой, что совершенно согласно и со здравым смыслом, и с законами»²⁶. Катков отмечал, что до тех пор, пока Россия была скована узами крепостничества, она не могла проводить «истинно национальной» политики, потому династия Романовых по необходимости опиралась на балтийское дворянство. Но после 1861 г. руки у русского правительства оказались развязанными для того, чтобы положить конец «немецким злоупотреблениям» в Остзейском крае.

Призывы Самарина и Каткова были услышаны русской властью лишь в царствование Александра III. В 1880-90-х гг. была предпринята попытка ограничить власть немцев в Прибалтике и заменить в этом регионе немецкое влияние русским²⁷. На остзейские провинции была распространена судебная реформа: избравшиеся дворянством ландгерихты – местные сословные суды – были заменены мировыми судьями, назначаемыми и увольняемыми министром юстиции. Делопроизводство во всех присутственных местах было переведено на русский язык, было введено обязательное преподавание всех дисциплин в государственных и частных учебных заведениях на русском языке, ликвидирован особый статус Дерптского университета. В 1893 г. городу Дерпту вернули его древнее русское название Юрьев. Эти меры привели к эмиграции части немецкого населения в Германию, где прибалтийские немцы способствовали нагнетанию русофобских настроений. Некоторые из них стали активными деятелями Пангерманского союза²⁸.

Чувствительный удар по позициям привилегированного немецкого меньшинства в Прибалтике нанесла русская революция 1905-1907 гг., которая в Лифляндии, Эстляндии и Курляндии протекала в форме национальной борьбы эстонских и латышских крестьян против господствующего немецкого баронства. «Революционные события усилили отчуждение между прибалтийскими народами и немцами, причем среди последних они породили тенденцию к объединению»²⁹, – отмечает Н.С. Андреева в работе о правительственной политике в остзейских губерниях в начале XX века.

События 1905 г. продемонстрировали шаткость положения немцев в остзейских губерниях, связанную с их малочисленностью (согласно всероссийской переписи населения 1897 г. немцев в Прибалтике было 165,6 тыс. чел., т.е. 6,9% всего населения остзейских провинций). Поэтому одной из важнейших забот органов немецкого самоуправления после 1905 г. было укрепление немецкой диаспоры в крае. В ходе первой русской революции в трех губерниях появились *немецкие общества (Deutsche Vereine)*, целью ко-

торых было сплочение вокруг себя всех местных немцев вне зависимости от их социального положения, а также привлечение в Прибалтику новых немецких колонистов из других областей России, а также из самой Германии. Эти организации, в период наиболее активной своей деятельности насчитывавшие 37 тыс. членов, поддерживали тесные связи с Пангерманским союзом в Берлине³⁰.

В годы, предшествовавшие Первой мировой войне, все яснее вырисовывалась цель прибалтийского дворянства – осуществить крупномасштабную колонизацию края, создать зажиточное и многочисленное немецкое крестьянство, которое к тому времени в остзейских губерниях практически отсутствовало. Однако предпринятые накануне войны попытки немецкой колонизации Прибалтики только обострили ситуацию в крае³¹.

Более того, они способствовали росту антигерманских настроений в России, что проявилось также на страницах русских газет и журналов того времени. «Немцы – хозяева Прибалтийского края, русские – их слуги, а эсты и латыши – рабы», – писала газета «Русское знамя» в конце 1913 г., выражая широко распространенное в русском обществе представление о положении, сложившемся в остзейских губерниях³².

Аналогично оценивало ситуацию в Лифляндии, Курляндии и Эстляндии газета «Новое время», по мнению которой, пангерманские устремления остзейских немцев представляли гораздо большую опасность для территориальной целостности России, чем слабый и не получивший широкого распространения эстонский и латышский сепаратизм. В январе 1914 г. она призвала правительство окончательно отказаться от ставки на немецкое дворянство и привлечь на сторону России коренное население Прибалтики³³. Учитывая возможность военного конфликта с Германией, нужно особенно пристально следить за действиями остзейских немцев, предупреждало «Новое время». В конце марта 1914 г. эта газета, ссылаясь на пангерманские издания, сообщила о планах Пангерманского союза отторгнуть от России Остзейский край и населенную литовцами Ковенскую губернию, куда можно будет направить 3,5 млн. немецких переселенцев³⁴.

Уверения самих прибалтийских немцев в своей лояльности и любви к русскому отечеству решительно отменялись редакцией «Нового времени» как лицемерная ложь, призванная скрыть «темные связи» остзейских баронов с экспансионистскими кругами империи Гогенцоллернов. В феврале 1914 г. сотрудник «Нового времени» И. Гофштеттер опубликовал статью «Крокодилы слёзы остзейского патриотизма», явившуюся откликом на речь в Государственном совете

остзейца барона Р.Р. Розена. Розен, видный дипломат, занимавший накануне русско-японской войны пост посланника в Токио, обрушился на русских националистов и призвал правительство соблюдать принципы, зафиксированные в Манифесте 17 октября. Автор статьи в данной связи отмечал, что для правительства наибольшую опасность представляет не разлад с остзейскими баронами, «любящими русское отечество больше как дойную корову»³⁵, а разлад с русским народом, который и создал огромную империю. Не русские националисты, по мнению Гофштеттера, вносят отчуждение, рознь и враждебность между различными народами России, а «воинствующие инородцы, не желающие отказаться от привычки к господству и владычеству»³⁶.

Тревогу в отношении немецкого заселения остзейских провинций испытывали отнюдь не только «националистические» круги русского общества, но и либеральные. Озабоченность положением в этом регионе высказывалась в главной кадетской газете «Речь». Не случайно именно А.И. Шингарев, один из лидеров партии конституционных демократов, поднял в апреле 1914 г. на заседании бюджетной комиссии Государственной Думы вопрос об ограничении немецкой колонизации в остзейских губерниях.

«Речь» не верила заявлениям представителей «Немецких обществ», что главной причиной немецкой колонизации Прибалтики является нехватка рабочих рук. Истинная причина, по мнению кадетов, заключается в стремлении немецкой верхушки остзейских губерний укрепить свое положение путем создания крепкого крестьянства, состоящего из единоплеменников, таких же этнических немцев, среди которых бароны Эстляндии, Лифляндии и Курляндии будут чувствовать себя уже не так одиноко. В случае если в Прибалтике появится значительная масса немецкоязычного населения, то при новых осложнениях у баронов будет солидная массовая опора, которой не было во время революции 1905-1907 гг.

Весной 1914 г. «Речь» с удовлетворением констатировала, что этот план уже провалился. Немецкие переселенцы попадают в бедственное положение, эффективность латышской и эстонской рабочей силы оказалась выше, чем немецкой, и многим землевладельцам экономически невыгодно изгонять из своих имений эстонских и латышских батраков, заменяя их немцами. Предпринятые попытки такого изгнания, освобождения жизненного пространства для соплеменников баронов, конечно же, не могут способствовать смягчению национальной розни в Прибалтике, - предупреждали кадеты. Лишенные заработка и арендованной земли представители

коренных народностей чувствуют еще большую злобу в отношении немецких хозяев края³⁷.

Схожую трактовку происходящих в Прибалтике процессов давали «Русские ведомости» – одна из старейших либеральных газет России, близкая по своей идеологии партии кадетов. «Русские ведомости» не сомневались, что «Немецкие общества» целенаправленно руководят заселением Лифляндии, Курляндии и Эстляндии немецкими колонистами, число которых газета определяла в 18 тыс. чел. (на 1913 г.). И это при том, что 75-80% эстонских и латышских крестьян являлись в это время безземельными. «Русские ведомости» считали, что противостоять немецким планам колонизации Прибалтики сложно, так как остзейское дворянство, несмотря на ограничения своей власти, введенные при Александре III, сохранило огромное влияние при дворе и, используя свои связи в придворных сферах, продолжало играть в Прибалтике фактически роль параллельного правительства, существующего наряду с царской администрацией. Последняя даже оказывается иногда бессильной против закулисных влияний остзейцев³⁸.

О необходимости срочно решить земельный вопрос в Прибалтике писал в сентябре 1912 г. в журнале «Вестник Европы» В. Троицкий. Он указывал, что поземельный вопрос в остзейских губерниях давно развился в земельный кризис, который подготовила вся история землевладения в этом крае. Решить его – значит сохранить спокойствие и мир в Прибалтике. Троицкий отмечал, что хотя крестьяне и получили личную свободу в результате отмены крепостного права в Эстляндии, Курляндии и Лифляндии, но дворянство сохранило в своих руках огромную часть земельного фонда трех губерний. Несмотря на то, что крестьяне могут покупать землю у помещиков или арендовать ее, средств на это у подавляющего числа крестьян не хватает. Реформы Александра III в Прибалтике не затронули аграрных отношений. Крестьянство и в начале XX в. находится в зависимости от помещиков – немецких дворян.

Поземельные отношения в Эстляндии, Курляндии и Лифляндии автор «Вестника Европы» называл «единственным уцелевшим в Европе остатком феодального средневековья»³⁹. Так, например, в Курляндии и спустя почти сто лет после отмены крепостного права была распространена барщина. На долю дворянских вотчин приходилось 4429156 десятин земли, что составляло 54,4% всей земельной площади Прибалтики. При этом, подчеркивалось на страницах «Вестника Европы», почти все дворянские вотчины – немецкие (например, в Лифляндии из 729 вотчин лишь 90 принадлежали не нем-

цам). Крестьянству же принадлежало земли почти вдвое меньше, чем дворянам (2814291 десятина). Лишь 1/6 часть крестьян владела землей, остальные 5/6 эстонского и латышского населения были безземельными, работая в качестве батраков или арендуя землю. Единственное решение аграрного вопроса в Прибалтике, по мнению Троицкого, – наделение безземельных и малоземельных крестьян наделами за счет крупного помещичьего землевладения.

На фоне большинства российских периодических изданий, с недоверием, а то и с откровенной враждебностью относившихся к русским немцам, выделялась позиция «Голоса Москвы», являвшегося главным печатным органом Союза 17 октября. В этой газете не содержалось какой-либо критики российских немцев, не высказывалось сомнений в их лояльности и не раздавалось алармистских призывов остановить «мирное завоевание» России немцами. Напротив, формировавшийся на страницах «Голоса Москвы» образ русских немцев был положительным, что объясняется тесными связями, существовавшими между немецкой диаспорой в России и октябристской партией, в руководство которой входило немало лиц немецкого происхождения⁴⁰.

«Голос Москвы» напоминал, что во время революции 1905 г. немцы были самой лояльной в отношении самодержавного правительства этнической группой. «Нигде общество так энергично не отреклось от самозванных “борцов за свободу”, нигде не обнаружило с таким негодующим протестом, какое они представляют ничтожное меньшинство, как в прибалтийских губерниях». В результате «немцы лишь подтвердили свои исторические заветы, твердо спаявшие их с русской государственностью и отведшие им среди так называемых “инородцев” совсем особое положение, завоевавшие им прочное доверие России»⁴¹. В Государственной Думе немецкая группа заняла положение на левом фланге центра, где она, по мнению «Голоса Москвы», приносит немалую пользу.

***

Как показал проведенный нами анализ ведущих органов русской прессы за 1912-1914 гг., большинство изданий накануне Первой мировой войны выражало негативное отношение к российским немцам, отмечая, что последние лишь формально становятся русскими подданными, на самом же деле чувствуют себя связанными со своим германским отечеством, а потому крепко держатся за свой язык и религию. Русских немцев подозревали в связях с Пангерманским союзом, стремившимся к отторжению западных областей Европейской России. При этом озабоченность положением немцев в России высказывали не только националистические издания

(«Новое время», «Русское знамя»), но и органы либерально-кадетской ориентации («Речь», «Русские ведомости»). Берлин обвиняли в целенаправленном заселении русских областей немцами, это расценивалось как завоевание России, начавшееся еще до открытого военного столкновения. Выражалось сожаление, что хотя при Александре III власть остзейских баронов была серьезно ослаблена, но не уничтожена полностью. Подчеркивалась неблагодарность русских немцев по отношению к их «благодетелям»-русским. В некоторых газетах («Новое время») немцы даже назывались привилегированной народностью Российской империи. Во всем этом нетрудно усмотреть старые страхи русского общества по поводу «немецкого засилья».

Будучи связанными одновременно и с Германией, и с Россией, русские немцы были заинтересованы в поддержании хороших отношений между двумя государствами. Не вина, а трагедия российских немцев состояла в том, что они так и не стали связующим звеном между Россией и Германией, а – напротив – превратились в дополнительный раздражитель в и без того напряженных русско-германских отношениях накануне Первой мировой войны. Положение российских немцев в начале XX в. осложняли и наиболее агрессивно настроенные империалистические круги в самой Германии, призывавшие к отторжению части Российской империи и открыто называвшие немецкие колонии форпостами германизации территорий от Карпат до Волги. Это только подогревало подозрительное отношение русского общества к немецкой диаспоре внутри страны. Можно сказать, что антинемецкая агитация русской прессы в последние предвоенные годы, формируя образ внутреннего врага в сознании российского общества, психологически подготовила принятие правительством Николая II жестких мер, направленных против российских немцев, после начала мирового вооруженного конфликта летом 1914 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Оболенская С.В. Германия и немцы глазами русских (XIX век). М., 2000. С.21.
- ² Кабузан В.М. Немецкое население в России в XVIII – нач. XX века (численность и размещение) // Вопросы истории. 1989. №12. С.28.
- ³ История российских немцев в документах (1763-1992 гг.) / Сост. В.А. Ауман, В.Г. Чеботарева. М., 1993. С.18-21.
- ⁴ Brandes D. Von den Zaren adoptiert. Die deutschen Kolonisten und die Balkansiedler in Neurussland und Bessarabien. 1751-1914. München, 1993. S.367.
- ⁵ Костюк М.П. Демография и география расселения немецких колонистов на Вольни в XIX – нач. XX века // Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения. Материалы международной научной конференции. Анапа, 20-25 сент. 1995. М., 1996. С.238-245.

- ⁶ Баах С.В. Законопроект П.А. Столыпина об ограничении иностранного землевладения в Юго-Западном крае Российской империи // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие, 1871-1941. Материалы 8-й международной научной конференции. Москва, 13-16 окт. 2001. М., 2002. С. 59-70; Brandes D. Op. cit. S.486-487.
- ⁷ Tausend Jahre Nachbarschaft. Russland und die Deutschen / Zusammenge stellt in Verbindung mit A. Eisfeld von M. Hellmann. München, 1989. S.128.
- ⁸ Новое время. 1914. 20 марта.
- ⁹ Об идеологии и целях Пангерманского союза накануне Первой мировой войны см.: Peters M. Der Alldeutsche Verband am Vorabend des Ersten Weltkrieges (1908-1914). Frankfurt-am-Main-Berlin-Bern, 1992.
- ¹⁰ Новое время. 1914. 13 июня.
- ¹¹ Новое время. 1914. 13 апр.
- ¹² Новое время. 1914. 15 апр.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Новое время. 1914. 13 апр.
- ¹⁷ Русское знамя. 1913. 29 янв.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Русское знамя. 1914. 16 янв.
- ²¹ Русское знамя. 1914. 29 апр., 6 июля.
- ²² Русское знамя. 1913. 29 янв.
- ²³ Brandes D. Op. cit. S. 439.
- ²⁴ Deutsche Geschichte im Osten Europas. Baltische Länder / Hrsg. von G. Pistohlkors. Berlin, 1994. S. 323-336.
- ²⁵ Нольде Б.Э. Юрий Самарин и его время. М., 2003. С.44-57.
- ²⁶ Московские ведомости. 1868. №183, 22 авг.
- ²⁷ Russification in the Baltic Provinces and Finland, 1855-1914 / Ed. by E.C. Thaden. Princeton, 1981. P.54-75.
- ²⁸ Campion L.K. Behind the modern Drang nach Osten: Baltic Emigres and Russophobia in Nineteenth-Century Germany. Dissertation, Indiana University, 1965.
- ²⁹ Андреева Н.С. Прибалтийские немцы и российская правительственная политика в начале XX века. СПб., 2008. С.93.
- ³⁰ Fleischhauer I. Die Deutschen im Zarenreich. Zwei Jahrhunderte deutsch-russische Kulturgemeinschaft. Stuttgart, 1986. S.377-390.
- ³¹ Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы первой мировой войны (1914-1917 гг.). М., 2004. С.82-83.
- ³² Русское знамя. 1913. 22 дек.
- ³³ Новое время. 1914. 24 янв.
- ³⁴ Новое время. 1914. 21 марта.
- ³⁵ Новое время. 1914. 1 февр.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Речь. 1914. 29 апр.
- ³⁸ Русские ведомости. 1914. 11 апр.
- ³⁹ Вестник Европы. 1912. Сент. С. 260.
- ⁴⁰ О связях, существовавших между Союзом 17 октября и немецкой диаспорой в России, см.: Дённингхаус В. Немцы в общественной жизни Москвы: симбиоз и конфликты (1494-1941). М., 2004. С.280-285; Murav'ëv Ju. P. Deutsche Gruppen im "Verband des 17. Oktober" // Der Beitrag der Deutschbalten und der städtischen Russlanddeutschen zur Entwicklung des Russischen Reiches von der zweiten Hälfte des 19. Jahrhunderts bis zum Ersten Weltkrieg / Hrsg. von B. Meissner, A. Eisfeld. Köln, 1999. S.37-50.
- ⁴¹ Голос Москвы. 1912. 27 сент.

THE IMAGE OF THE RUSSIAN GERMANS IN THE RUSSIAN PRESS ON THE EVE OF THE FIRST WORLD WAR

© 2011 B.S. Kotov

Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, Moscow

The article is based on the material of the pre-revolutionary press and represents the image of the Russian Germans in the mirror of the Russian public opinion on the eve of the First World War. The author analyzes positions and views of different politic parties towards the «German question».

Keywords: Russian Germans, image, press, eve of the First World War.